

Наталья Шимонова
Колесо
Фортуны

Наталия Шимонова Колесо Фортуны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31188304

ISBN 9785449064134

Аннотация

Россия, 1860-е годы. Агния жила в далекой южной провинции со своими родителями. Но страстная любовь привела ее к бесчестью. И вот она осталась одна. Ещё один шаг и она окончательно погибнет. Но судьба сжалилась над ней и послала ей доброго ангела – подругу Серафину. А та ввела Агнию в мир азартной игры и азартных мужчин. Дальше будет большая игра, месть, риск и... высшее общество Рио-де-Жанейро. Но недаром говорят: береги честь смолоду, иначе расплаты не миновать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	45
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Колесо Фортуны

Наталья Шимонова

© Наталья Шимонова, 2018

ISBN 978-5-4490-6413-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Началась эта история несколько лет тому назад, в самом конце 1860-х годов, в одной из наших южных губерний. Так далеко от столицы, как только может пожелать любой пекущийся о нравственности детей своих родитель, или легкомысленный повеса, желающий избегнуть огласки своих походов.

В поместье Аннино проживало благородное семейство дворян: Егор Петрович Каверин с супругою своею Марьей Ивановной и с дочерьми Агнией и Ариной. Поместье это, окруженное парком и представлявшее собой несколько обшарпанное с колоннами здание, находилось недалеко от города N, в котором тем летом, когда Агнии Егоровне сравнялось девятнадцать лет, а сестре ее – восемнадцать, расквартирован был гусарский полк.

Конечно же, пребывание гусар в городе ознаменовалось балами, концертами, прогулками, знакомствами да записочками, тем более, что лето выдалось не жаркое и местное светское общество только тем и развлекалось. И семейство Кавериных не отставая от прочих принимало участие в развлечениях. Тем более, что две дочери восемнадцати и девятнадцати лет накладывали определенные обязательства на родителей. Надо тут отметить, что Марья Ивановна, в юности душой тяготевавшая к ментикам и киверам, не равнодушна оста-

лась к ним и теперь, в том смысле, что в зятях своих она предпочла бы видеть представителей именно этого разряда рода человеческого, нежели какого бы то ни было асессора, регистратора или иного штатского. Хотя, перебирая ночами в уме кандидатов для дочек, она невольно останавливалась мыслью на *тайных* и *статских*¹, но при свете дня звон конской сбруи за окном навевал ей напоминания о молодых ее годах, и все *советники* уходили прочь.

Что же до мужа и дочерей Марьи Ивановны, то Егор Петрович деспотом никогда не был и дочерям предоставлял полную свободу в мыслях о будущих женихах; Арина, младшая дочь, была девушкой не глупой и в отличие от матери при мысли о будущем непременно представляла себе уютный дом, и непременно в Москве или Петербурге, а спутника своего видела рядом с собою на балу у самого государя и обязательно украшенного *Анною* или *Владимиром*². Что же до Агнии, то о ее мечтах не знал никто. Она имела привычку думать в уединении и не делиться мыслями ни с кем, разве что отец иногда удостаивался ее откровенности, но только не в том, что касалось бы ее сердечных дел.

Таким вот образом и случилось, что Каверины жили в городе, посещали балы и приглашали к себе, и Агния заприме-

¹ Тайные и статские советники – высокие штатских чинов по Табели о рангах, равны (и даже чуть выше) таким армейским чинам, как полковник и генерал-лейтенант.

² Ордена в Российской империи.

тила молодого поручика, являвшегося всегда в их дом и бывшего подле нее на любом балу в городе. Сей молодой человек, о внешности которого судить мы не беремся, пусть тут думает читатель (или читательница), звался Алексеем Федоровичем Новиковым. Нрава он был самого веселого и дружелюбного, но рядом с Агнией был неизменно задумчив и робок, что сначала удивило, а затем многое сказало молодой девушке. Итак, он был влюблен.

Чего может достигнуть влюбленный молодой человек в мундире поручика за два месяца? О, очень многого! Те дамы, на чьем пути встречались блестящие молодые военные, могли бы многое рассказать нам, но – тсс! Об этом ни слова... Иначе более ни одна дама не доверится писателю.

Итак, прогулки в парке, гулянья, верховые поездки, балы и пикники – и пламя любви разгорелось с неистовой силой. Родители Агнии, как и прочие, заметили такую склонность молодых людей и уже размышляли об их будущем, меж тем как между самими влюбленными еще ни о чем говорено не было. Дело в том, что ни один из них не решался произнести решающих слов.

Но не могло же так продолжаться вечно? И вот в один из чудных августовских дней, отделившись от шумной компании, молодые люди прогуливались по тропинке, ведущей вглубь городского сада.

– Я должен попрощаться с вами, – произнес молодой человек. – Это чуть ли не последняя наша с вами прогулка.

Если его спутница и была поражена этим известием до глубины души, то сложно было бы это заметить, так как Агния Егоровна ровным голосом продолжила начатый разговор.

– Отчего вы уезжаете? Ведь ваш полк должен пробыть тут еще несколько времени.

– Да, полк пробудет тут еще довольно долго. Однако я должен ехать в Петербург по семейным делам. Но я хочу сказать вам... Впрочем... впрочем нет... – поручик смолк.

– Я надеюсь, – через некоторое время тихо произнесла Агния, – что мы все же останемся добрыми друзьями.

Алексей повернулся к ней и взял ее за руку:

– Я не могу быть вашим другом, – и сказавши это, он поднес ее руку к губам и поцеловал.

За воцарившимся молчанием Агния недоуменно размышляла о словах своего спутника. Они не могут быть даже друзьями, но почему?

– Но почему? – невольно воскликнула она.

– Потому что я люблю вас, и именно поэтому я не могу быть вашим другом, – произнес Алексей со всей пылкостью, на которую был способен.

У Агнии от чувств перехватило дыхание.

– Так вы не покинете меня? Вы вернетесь? – девушка уже не таила своих чувств.

– Да, я люблю вас, но некоторые обстоятельства принуждают меня скрывать свои чувства.

– Что это за обстоятельства? – Агния была так счастлива признанием Алексея, что уже ничто не могло поколебать ее радости.

– Это связано с моей семьей. Я не могу сказать вам всего, – ответил поручик.

– Хорошо, не говорите... – послушно согласилась она.

– Вы так и не ответили мне, – внезапно произнес он. – Любите ли вы меня?

Девушка потупила взор и еле слышно прошептала:

– Да.

Алексей обнял девушку и, прижав ее к себе, поцеловал. Агния, счастливо вздохнув, даже не подумала о том, что их могут увидеть. Она не вспомнила и матушкины наставления, предостерегавшие ее от подобных случайностей. Любовь, первая и оттого прекрасная, была сильнее всех предрассудков и осторожности.

Вернувшись домой в тот день, весь вечер Агния была беспокойна и, сославшись на головную боль, ушла спать. Затем провела несколько дней в странном, нервическом состоянии. А после получила записку от Алексея, в которой тот писал следующее:

«Милая моя Агния Егоровна. Теперь я решился написать вам и только вы можете решить мое счастье. Я уезжаю послезавтра, ввечеру. Если вы любите меня и верите мне, то поедemте со мной. Только так мы можем быть вместе, тай-

но бежав и обвенчавшись тоже в тайне ото всех. Я не могу, как и при нашем разговоре, объяснить вам всего, вы можете только довериться мне. Решайтесь! Итак, если вы решились, то послезавтра около полуночи я буду ждать вас у ваших окон. Вы выйдете ко мне, и мы уедем. Но никто не должен знать ни о чем, иначе мы оба погибли! Решайтесь, милая моя Агния, и знайте, что я люблю вас.

Ваш А.»

Получивши это письмо, девушка проплакала полночи, а затем приняла решение. В означенный день она, написавши лишь родителям записку, чтоб те не волновались и что она все объяснит им потом, а также надеется на их прощение, не колеблясь вышла навстречу своей судьбе и через четверть часа уже во весь опор мчалась по направлению к Петербургу, вместе со своим поручиком.

Глава 2

Со времени побега прошло уже почти четыре недели. Ничего своим родителям Агния написать не могла. Алексей уговаривал ее не делать этого, ведь они еще не обвенчались, но в Петербурге поселились как муж и жена. Каково такое услышать ее родителям? И она соглашалась, но как им также быть в неведении относительно судьбы своей дочери, которую они, быть может, оплакивали уже как мертвую.

В Петербурге молодые люди жили замкнуто, в небольшой квартире одного из самых скромных домов на третьем этаже. Агния в основном не покидала ее пределов. Алексей все чего-то опасался и не велел ей выходить. Он объяснял это тем, что ей одной опасно и неприлично было ходить по улицам, а он не мог сам ее сопровождать, потому что был занят делами. Посему Алексей часто не бывал дома и Агнии было очень скучно. В такие моменты ее терзали сильные сомнения в правильности ее поступка, и она даже плакала и почти уже желала вернуться домой.

Да, Агния и впрямь раскаивалась, и думала, что ежели бы можно было повернуть все вспять, она не стала бы бежать с Алексеем, а дождалась бы его дома. Если он ее любил, а он ее любил, то он непременно бы вернулся к ней и женился бы на ней, как должно. Она не была счастлива так, как ей хотелось. Ее мучили сомнения и раскаяние. Но стоило ей увидеть

Алексея и услышать его уговоры и объяснения о том, что все готовится, она оживлялась и радовалась как дитя. Но отлучки Алексея становились все чаще и длительнее, и все более тревожили Агнию. Она просила объяснений и однажды он чрезвычайно обрадовал ее сказавши, что готовит все к свадьбе. Что не сегодня – завтра, они наконец-то будут благословлены в церкви.

Через несколько дней, нарушив строгий запрет Алексея и выйдя на прогулку, Агния была привлечена звоном колоколов неподалеку, в церкви на соседней улице. Радостный перезвон в будний день удивил ее и девушке пришло в голову, что это, должно быть, свадьба. Как радостно ей было бы посмотреть на счастье чужое в ожидании собственного!

Не мешкая, Агния отправилась к церкви. Толпа собралась большая: все радостно суетились, поздравляя молодоженов, которые только что вышли из церкви после венчания, ловили деньги, которые жених кидал в толпу. Одна из монеток упала прямо в руки Агнии. Девушка обрадовалась, сочтя это за радостное предзнаменование и решила взглянуть на молодую пару, которую почла провозвестницей своего счастья. Она подняла голову и крик ужаса замер у нее на губах. Алексей! Ее Алексей стоял под руку с невестой в сверкающем белизной платье! Он кидал монеты в толпу, кинул и ту монету, что попала ей в руку!... О, Боже! Она сжала руками рот, чтобы удержать крик отчаяния. Этого не может быть! Она не верила глазам своим. У Агнии закружилась голова

и она едва не упала. Какая-то добрая женщина поддержала ее и помогла выбраться из толпы. В руке девушки все еще была зажата монетка – монетка ее счастья...

Агния ничего не сознавала вокруг, только слышала голос своей спутницы, которая заботливо спрашивала ее о том, где живет Агния. Девушка назвала улицу и дом, и обе они отправились по означенному адресу. Зайдя в комнату Агния, не скрываясь уже более, зарыдала. Никакие утешения не действовали на нее. То она не верила, что это правда и все казалось ей каким-то ужасным обманом, галлюцинацией; то страшная, невероятная ложь представала перед ней во всей красе и ей казалось, что крышка гроба захлопнулась над ней, оставшейся живой по какому-то ужасному недоразумению.

– Этого не может быть... Он придет и все объяснит, – то и дело шептала она, хватаясь за призрачную соломинку, которую ей протягивала надежда.

Агния в порыве отчаяния рассказала все той женщине, что помогла ей. Серафина, так ее звали, молча выслушала признания обманутой девушки и, вздохнув, сказала:

– Что же, милая моя, такое случается довольно часто. Мужчины, увы, имеют склонность обманывать доверчивых невинных девушек.

Агния подняла глаза на Серафину и в первый раз внимательно посмотрела на нее. Та была еще молодая женщина,

лет двадцати восьми не более. Но что-то в ее лице позволяло думать, что, не смотря на свою молодость, она была довольно опытна. Одетая Серафима была хорошо, как благородная дама, но все же не с той тщательностью и скромностью, с какой обычно одеваются светские дамы. И к тому же она была несколько простовата.

– Но Алексей, он... – пробормотала Агния, – он...

– Он такой же, как и все, – Серафима со вздохом поднялась, – я налью воды, вам надо умыться.

Агния судорожно вздохнула.

– У вас все лицо красное, – продолжала меж тем Серафима. – Вам непременно надо освежиться, – она взяла кувшин и вышла из комнаты.

Оставшись одна Агния обмерла, как будто вся жизнь вышла из неё. Она не могла бы теперь и пальцем пошевелить, даже если бы очень захотела. Поэтому, когда Серафима вернулась, с некоторым усилием неся полный кувшин, она даже головы к ней не повернула.

– Ну, идите же сюда, – Серафима поставила кувшин на столик. – Я полью вам.

Агния только и нашла в себе сил, что покачать головой из стороны в сторону. Тяжело вздохнув, Серафима подошла к ней, принесла табурет, на который поставила таз, взяла кувшин, наклонила безвольную голову Агнии над тазом и принялась аккуратно умывать девушку. В довершении всего, тронутая такой добротой незнакомой ей женщины, Агния

опять зарыдала. Серафина, тяжело вздохнув, обняла девушку и принялась гладить ее по голове.

– Ну, утешьтесь же, ведь он того не стоит... Не стоит он, чтобы вы так убивались...

Агния зарыдала еще сильнее и успокоилась только тогда, когда, утомившись, заснула.

Алексей так и не появился. Ни вечером того же дня, ни ночью, ни утром, ни вечером следующего дня. Никакой даже весточки не пришло к Агнии. Если бы не Серафина, она бы не раздумывая наложилась на себя руки. Агния поначалу и не поняла, но Серафина осталась у неё и ласковым разговором и неподдельным вниманием все это время успокаивала её. На другой день, когда девушка в состоянии уже была хоть немножко соображать, она обратила внимание на то, что Серафина – абсолютно чужая ей случайная знакомая – возится с ней как с малым дитём. Кормит её, поит, умывает, развлекает какой-то ничего не значащей беседой. Поняв всё это, Агния нашла в себе сил сказать ей спасибо. А потом её будто прорвало! О чем они только не переговорили в тот день и в ту ночь! И Агнии пришлось признать, что жизнь её переменялась трагически и непоправимо.

– Итак, все случившееся было правдой, в том сомнений нет, – произнесла она наконец. – Алексей женился... Но я до сих пор не понимаю, как это могло произойти... Как он мог меня так обманывать?

Серафина, уютно устроившаяся на диване, приподнялась и искоса взглянула на Агнию.

– Такое трудно сразу понять. Но лучше сразу смириться со всем. Так будет легче начать новую жизнь.

– Новую? Да разве это возможно? – убито молвила Агния.

– Конечно. Ведь я же начала когда-то, – спокойно ответила Серафина.

После этих слов Агния вздрогнула и впервые внимательно посмотрела на свою собеседницу.

– Простите меня... Я... Я не поняла сразу...

– Ну... Это ничего... – Серафина рассмеялась. – Поэтому я и осталась с тобой... Я как никто могу тебя понять, – глубоко и печально вдруг вздохнула она. И к тому же я еще не столь преклонных лет, чтобы не пережить такую историю благополучно, – добавила она со смехом. И действительно, такой тяжелый день совсем не сказался на ее внешнем виде и настроении.

– Спасибо вам, – девушка почувствовала прилив сильной признательности к Серафине.

Она была не одна весь этот тягостный день и всю кошмарную ночь и теперь, осознав это, прибавила:

– Если бы не вы, я бы, наверное, умерла...

– Ну что вы, – сказала Серафина. – Я рада была вам помочь. Хотя рада – это не совсем то слово, – она серьезно посмотрела на Агнию.

Обе женщины сидели у окна и, если бы кто взглянул

на них, то увидел бы, при некотором напряжении фантазии, две аллегорические фигуры – Печали и Надежды. Тонкая фигура, поникшая голова и безвольно брошенные руки представляли такой же контраст со зрелой и деятельной привлекательностью почти тридцатилетней женщины, как длинная светло-русовая коса Агнии и ярко-рыжие, красиво уложенные волосы Серафины.

– Разве вы никуда не торопитесь? – спросила вдруг Агния. – Я так благодарна вам и боюсь остаться одна, но ведь есть же у вас дом, семья...

– Дом и вправду есть, только я не тороплюсь. Вы не волнуйтесь за меня. Я могу побыть с вами столько, сколько вы захотите.

Агния горестно вздохнула и почувствовала, как слезы опять сами собой полились из глаз.

– Ну вот! Вы опять плачете! – всплеснула руками Серафина.

– Что же мне теперь делать... Как же жить... – пробормотала Агния ей в ответ.

– А вы не бойтесь, – твердо сказала Серафина. – Человек не пропадет, пока сам не захочет. По-всякому и везде люди живут. И откуда вы знаете, может, кому-то и тяжелей приходится. Вот погодите, пройдет время, и печаль исчезнет. Вы уж мне поверьте, я знаю, как бывает.

– Но я не знаю... Не представляю себе... Я боюсь... Что может быть хуже? – Агния стиснула руки.

– Да мало ли что может быть хуже? Вы уж меня простите, но вы жизни совсем не знаете, – возразила Серафина. – Иначе бы не бежали из родительского дома, – она произнесла это решительно и столь же решительно посмотрела на Агнию. – Но не сейчас об этом говорить. Сейчас вы этого, боюсь, не поймете. Сейчас надо позаботиться о делах более насущных. Надолго ли оплачена эта квартира?

– Я не знаю... – пробормотала девушка.

– Вот это скверно, что не знаете. Ну да выяснить труда не составит. И хватит плакать! Мужчинам с этих пор не доверяйте, а вот мне поверьте. Я вас не брошу и помогу, чем смогу. За этот день мы с вами будто сроднились, и я теперь чувствую, что вы мне вроде сестры... Я не оставлю вас!

Агния благодарно и доверчиво посмотрела на собеседницу, и та до глубины души тронулась таким ее взглядом.

– Я для вас все сделаю, – прибавила Серафина. – Как для сестры...

Глава 3

Алексей так и не появился. А ведь несмотря ни на что, Агния все еще надеялась, ждала...

Но вот прошла неделя и с квартиры пришлось съезжать. Она бы и раньше уехала, ведь Серафина уже все уши ей прожужжала, что надо поскорее покинуть это место! Но Агния всё-таки ещё ждала... Хотя бы последнего слова, хотя бы объяснения...

Наконец, Серафина твёрдо объявила, что более оставаться тут нельзя, что ничего хорошего это не принесет, что надо идти дальше и что если Агния хочет от неё помощи, то просто обязана её теперь послушать!

Последним, что сделала Агния в старом жилище, было письмо, написанное родителям. Она сообщила им только, что жива, что просит у них прощения и надеется на него, что сама она своей вины не забудет и никогда уже, наверное, не доведется увидеть ей родные места и лица. Агния просила забыть ее и поминать в своих мыслях и молитвах хотя бы даже и как мертвую, но прощенную дочь.

Серафина, прочитав письмо, чуть не расплакалась.

– Но все же я должна тебе сказать, – а новые подруги уже перешли на «ты», – что ты поступаешь верно. Хотя, быть может, тебе стоит вернуться и просить у родителей прощения? Вдруг все образуется? Сама же знаешь... блудный сын... за-

колотый телец... – Серафина неожиданно ухмыльнулась.

– Блудный сын? Блудная дочь... Сына быть может и про-
стили бы, а дочь... – Агния бессильно пожала плечами.

– Ты мудра не по годам, моя милая, – Серафина погладила
девушку по голове. – И мне от этого очень печально...

– Я сама во всем виновата... Что уж теперь...

– Но все ж таки мать и отец... Неужели ты не хотела бы...

– Серафина! – перебила ее девушка. – Не говори ничего!

Я уже все решила...

– Ну тогда... Тогда... – Серафина вздохнула. – Я не знаю,
что и сказать тебе... Надеюсь, что ты потом жалеть не ста-
нешь. Ведь чем дальше, тем все труднее будет вернуться.
Сейчас ты еще не так далеко ушла от своего дома, как тебе
кажется. И, что бы ты себе ни думала, но тебе ещё можно
искать прощения, хотя поступок мой совсем не извинитель-
ный... А вот через какое-то время...

– Нет, я слишком далеко ушла, – печально улыбнулась Аг-
ния.

– Ну... – Серафина развела руками. – Тогда ни о чем боль-
ше не сожалей.

– Не могу не сожалеть!

– Да... Человек слаб... Но мы станем держаться друг дру-
га и всё уладится! Надобно взять себя в руки. И все пройдет,
сама увидишь. Рано или поздно все проходит. Истина хотя
и старая, но весьма верная. И лично мною проверена!

– Не знаю, что бы я без тебя делала! – Агния опять реши-

ла было заплакать, но уже от прилива благодарности к Серафине.

– Подожди благодарить! Может, если бы не я, ты бы вернулась к родителям и все бы у тебя уладилось.

– Если бы не ты, я бы уж умерла, – мрачно произнесла девушка. – Наложила бы на себя руки. У меня вся жизнь порушилась. А когда у человека жизнь рушится, он способен на любой поступок, даже на самый безрассудный.

– Ну-ну! Не вспоминай. Было бы из-за кого так страдать.

– Ведь я его любила... – пробормотала Агния.

– Любила одного, полюбишь другого, – лукаво сказала Серафина.

– Не говори так! Я никого и никогда не полюблю! – воскликнула девушка, сжав кулаки. – Ненавижу... Ненавижу... – лицо её вдруг побелело от ярости и её затрясло мелкой дрожью.

– Полно, полно... хватит... Пойдём, – Серафина решительно взяла Агнию за руку. – Не надо этого...

Агния сгорбилась, сжалась от прикосновения подруги, слабо улыбнулась и щёки её вновь порозовели.

– Вот и умница...

Вскоре все вещи, а их было совсем немного, были собраны и женщины, как это было уговорено меж ними заранее, отправились на квартиру к Серафине.

Теперь следует рассказать поподробнее о Серафине

и о том, чем добывала она себе средства к жизни. Справедливости ради надобно отметить, что Серафина ничего не скрывала от Агнии, когда предлагала ей перебраться к себе для житья.

Оказалось, что новой ее подруге принадлежала модная мастерская. Не самая, конечно, роскошная, как выразилась Серафина, но известная среди определенного круга лиц. Дело в том, что помимо шитья девушки, работавшие у Серафины, занимались и другим, гораздо более прибыльным и менее обременительным трудом. А попросту говоря – торговали собой. Кроме того, в ее доме шла большая игра. Господа, собиравшиеся у нее, играли по-крупному, просиживая ночами напролет и забывая даже о девицах. С больших выигрышей и Серафина имела свою прибыль, и немалую. И не только от счастливых игроков, но и от шулеров, которых она у себя тайком привечала. Сама она не играла, разумеется, как не играли и ее девушки. Но дом ее пользовался большой славой. И с полицией Серафина имела свою договоренность, оттого так свободно и весело разгуливала по городу.

Агния выслушала все это поначалу с ужасом, но потом, поразмыслив, поняла, что теперь ей претендовать особенно не на что. Она сама опустила себя на самое дно жизни, ниже уже некуда. И ей просто повезло, что Серафина неожиданно оказалась такой доброй и отзывчивой. Агния ничего не знала об этой стороне жизни, не знала, как пропадают девушки в городах, в страшных притонах. Чутье подсказывало ей,

что с ней может случиться всякое, но она твёрдо знала, что Серафина ее не обманывает. Ещё до переезда Серафина повезла её кататься в коляске и показала ей свою модную мастерскую. Агния обиняком поинтересовалась у квартирной хозяйки про тот дом и выслушала гневную отповедь, перемежавшуюся сведениями о том, что «эти мерзавки» вполне себе неплохо устроились и разъезжают «почти как благородные дамы ничего не стыдяся, хотя они есть самого последнего разбору падшие девки». А «ихняя хозяйка-блудница, про которую никто не знает, хотя и шалабуда, но про неё говорят, что ни одной девицы она не уморила». Агнию позабавило, что квартирная хозяйка Серафины в «блуднице» не признала. Полученные же сведения успокоили девушку окончательно. Надо сказать, она и так понимала, что Серафина не приведёт её в почтенный дом. Да и сама бы она уже никак не могла претендовать на уважение. Однако и вовсе становиться совсем падшей было боязно. Лучше уж умереть, думала она. Или в монастырь податься... И, однако, пришло время, и Агния отправилась к Серафине.

Серафина сказала своей Агнии, что принуждать ее ни к чему не собирается. Хочет – пусть шьет, как никак у нее мастерская, и работать тоже надо, а хочет... «Вольному воля», – говорила она, усмехаясь.

– Впрочем, можно еще и в монастырь пойти, – заметила Серафина, читая мысли своей новой подруги. – И вечно оплакивать этого подлеца. Но он этого не стоит! Я честно

тебе скажу – ты мне нравишься. Я хотела бы, чтобы мы были с тобой подругами. Да и, прямо сказать, обидно такую красоту похоронить в монастыре. Я, может, и не по-христиански рассуждаю, зато по-человечески. А там – кто знает. Ведь в жизни всякое случается! Еще неизвестно, как обернется...

– Да что уж тут может еще случиться. Как бы хуже не было, – сказала в ответ на это Агния.

– Не гневи Бога, Агния. Ты жива, здорова, ты не на улице!

– И то верно... – мрачно соглашалась та.

За такими вот разговорами и началась новая жизнь Агнии.

Глава 4

Серафина не обманула. Она стала Агнии настоящей подругой, найдя в ней то, чего давно уж не находилось в людях, окружавших ее. Женщины и мужчины в доме Серафины были людьми малопорядочными, а то и вовсе никуда не годными. Другие в ее доме и не бывали, таков уж был род ее занятий. Агния же пришла будто из другого мира. Но и на нее, а Серафина это сразу же подметила, быстро подействовала атмосфера блудного дома.

Дом Серафины был устроен следующим образом: парадная его сторона, обращенная к улице, была мастерской модистки мадам Серафины. И довольно доходной мастерской, которую посещали состоятельные дамы средней руки, и комнаты которой были богато обставлены и украшены хорошей мебелью и огромными зеркалами. Со стороны же двора существовал тайный вход на другую половину той же самой мастерской, состоявшую из частных комнат, в которых можно было уединиться. Там же была устроена и зала, в которой несколько раз в неделю разворачивалась игра на зеленом сукне. И там уже играли не по старинке в банк и штосс, а делали крупные ставки в покер, который неожиданно не так давно вошёл в моду в столице. Большинство девиц жили именно в той части дома, где велась эта тайная жизнь. Серафина же жила там, где была устроена мастерская. Там же,

рядом с собой, она поселила и Агнию, таким образом отделяя её от других девиц.

Агния в первый же день познакомилась с устройством любопытного дома и с девушками, населявшими его. Часть из них днем шила, а ночью зарабатывала веселым ремеслом. Другая часть – работала только по ночам, и только две девушки занимались исключительно шитьем. Это не считая горничных, которые были только горничными, ибо две скромные крестьяночки и помыслить себе не могли, чтоб заняться таким непотребством, и кухарки. Агнии показалось, что они даже и не знали до конца того, что происходит в доме по ночам, так как жили горничные в другом месте.

А Серафина и в самом деле была модисткой и весьма хорошей, и изобретательной, для которой игра и девицы были отхожим промыслом, весьма доходным.

– Но что уж тут поделаешь? – пожимала плечами Серафина, рассказывая о своей жизни. – Так уж получилось. Не своей волей, скажу я тебе, мы этим ремеслом промышленяем. Каждую сюда какая-то беда привела. Нет, кажется, таких женщин, которые бы сызмальства желали вести такую жизнь. Но многие входят во вкус, – усмехнулась она.

Поначалу Агния занялась шитьем, благо шить она умела. А потом, наблюдая за обыкновениями других обитательниц дома Серафины, предалась долгим размышлениям о той жизни, в которую попала. Она видела, что и Серафина не брезгует такими занятиями, более того, кажется, что ей

это даже нравится. Она жизнерадостна и весела, и к тому же имеет много денег. Правда, она никогда не имела подле себя мужчин без разбору. У неё был постоянный и довольно щедрый покровитель. Как-то раз Серафина сказала, что могла бы найти такого и Агнии. Но та тут же, не раздумывая, отказалась!

Агния считала, что никогда больше не сможет полюбить. А без любви... Поначалу ей почти физически претила мысль о том, чтобы позволить какому-нибудь мужчине стать ей настолько близким, насколько близок был Алексей. Но шли дни, дни сменялись неделями и исподволь она менялась... Если раньше ей хотелось наказать весь мир и самоё себя, то теперь то разрушительное, стихийное чувство улеглось, а на смену ему пришло другое – более стойкое и более злое. Сначала мысли о грехе сопровождали почти все раздумья, связанные с этой ее новой жизнью. Но ведь она уже согрешила. Правда, из-за любви, но разве есть какая-то разница? Нет. Ровно никакой. Тогда она решительно отмела мысль о грехе и подумала о деньгах.

Временами, будто очнувшись, она смотрела на себя как бы со стороны и не узнавала. Никто не учил ее дурному, но было, видимо, нечто в ее характере, чего она никогда не доверяла никому и из-за чего бежала с Алексеем и переселилась в дом к Серафине, зная о ее занятиях, и не искала приюта в монастыре, а думала теперь о вещах горьких и постыдных, как о самом естественном на свете деле. То

ей казалось, что она была «страстьми томима», а то думалось, что она разумна и трезва, и так расчётлива, что порой ей делалось дурно от осознания этого! Но все эти размышления ее самым роковым образом были прерваны в скором времени, когда она обнаружила, что ждет ребенка. Это повергло ее в самое мрачное отчаяние, на которое она только была способна. Совершенно неожиданно ребенку обрадовалась Серафина:

– Я всегда мечтала о малыше, только никогда не могла родить ребенка. Ты должна радоваться этому, глупая! – убеждала она Агнию, которая сидела перед ней с совершенно убитым видом. – Он обережёт тебя, он станет для тебя смыслом жизни! А я буду его крёстной, уж ты должна мне это твёрдо пообещать! – Серафина была полна надежд.

Агния с тоской посмотрела на неё:

– Ты мой добрый рыжий ангел... Сколько в тебе любви...

– Ох... родная моя... не надо! Я заплачу сейчас! А нам нельзя плакать! Нам надо радоваться!

– Я не могу радоваться, Серафина... У меня такое странное чувство, что будто бы постепенно в меня вселяется другой человек, мне незнакомый, от которого мне временами становится страшно. И вот теперь – ребенок, а Алексей... он ведь даже ни о чем не узнает...

– Так ты все еще ждешь его? – встрепенулась Серафина.

– Нет! Нет, не жду! – Агния схватила Серафину за руку, да так, что та даже испугалась. – Вот чего бы мне и в самом деле

хотелось, так это отомстить! – зашептала она. – Но я не знаю, как это сделать! Я никогда не была смиренной, но сейчас, кажется, утратила последние остатки разума, смирения и гордости. Я готова на все! Но не знаю, что мне делать...

– Тогда послушай меня, послушай и успокойся, – Серафина обняла её и прижала к своей груди. – Бедная моя девочка... Предоставь всему идти своим чередом... Пусть родится ребенок, если хочешь – я отыщу Алексея и расскажу ему обо всем. А что делать потом... Я не знаю, но уверяю тебя: что бы ты ни избрала – ты будешь права.

– Да... Отыщи его... – последовал тихий ответ. – Отыщи...

Серафина тяжело вздохнула, посмотрела на Агнию и ничего не сказала. А про себя подумала, что женщины бывают очень глупы, когда дело касается любви. И это очень жаль...

Как знать, что случилось бы поговори Серафина с Алексеем, найди она его. А может, ничего бы и не случилось. Может, тот бы перепугался и наделал бы ещё каких непоправимых глупостей... Но разговора никакого не потребовалось, потому что ребенку Агнии Бог не судил жить на свете, а, следовательно, и говорить было не о чем. Немного придя в себя после преждевременных и несчастных родов, Агния продолжила заниматься шитьем, но в душе ее уже созрел план, пока еще не ясный, но готовый толкнуть ее на самый решительный и безрассудный поступок.

Глава 5

Тот день начался, как и все прочие обыкновенные дни. Агния встала с утра пораньше и отправилась к булочнику. Серафина обычно тоже долго не спала и уже к семи утра вставала вне зависимости от того, как поздно улеглась спать накануне. Поэтому приятельницы позавтракали и принялись за повседневные дела.

Агния за весь день не присела. Сначала надо было принять у приказчика ткани, которые поставлялись от знакомого купца, потом пришли две заказчицы, и они с Серафиной провели с ними часа четыре во всех подробностях обсуждая фасоны и цвет будущих нарядов. После их ухода Серафина и Агния со вздохом упали на стулья и некоторое время молча сидели.

– А ведь сегодня вечером будет большая игра, – заметила наконец Серафина. – Придут самые нужные люди и богатые игроки.

– Да? – равнодушно протянула Агния.

– Да. А надо еще успеть разнести три заказа, закупить провизии на неделю, заказать у Talona ужин (и не забыть индейку и трюфелей) и у Бореля взять шампанского на сегодняшнюю ночь, и всё-таки немного отдохнуть. Ну, с заказами отправим горничную... Дам ей денег на извозчика, а вот провизией придётся заняться самой! Мне кажется, кухарка меня

обманывает... – Серафина помрачнела.

– А в ресторации отправлюсь я, – Агния посмотрела на подругу, и та благодарно ей улыбнулась.

– Спасибо, милая моя... Чтобы я без тебя делала!

– Это что бы я без тебя делала, мой добрый ангел!

Подруги рассмеялись, расцеловались и остаток дня так и провели, в трудах да заботах. А вечером, как и обычно, Серафина отправилась встречать гостей, а Агния заперлась в своей комнате.

Сила, которая выгнала ее из комнаты, была совершенно непреодолимой. Ну ничего Агния не могла с собой поделать. Было ли то любопытство, или просто надоело ей сидеть одной взаперти каждый вечер. Одним словом, она тайком прокралась к игровой зале и замерла за портьерой. Тут-то ее и застучала Серафина.

– А-а, наконец-то! – торжествующе прошептала она Агнии на ухо. – Конец затвору? Уйдут пусть в прошлое постные денечки?

– Перестань, – раздраженно прошептала в ответ Агния, злая на то, что ее так скоро поймали с поличным.

– А что? Давно пора! – хихикнула Серафина.

Агния оглянулась и внимательно посмотрела на подругу. Та была возбуждена сверх меры. Все ее тело было напряжено и даже будто дрожало. От Серафины явственно пахло вином, глаза ее блестели, наряд выгодно подчеркивал все до-

стоинства ее прекрасной фигуры, а вокруг распространялся крепкий запах духов и розовой пудры. У Агнии даже запершило в носу, и она неволею чихнула. Серафина рассмеялась, а Агния принялась оглядываться вокруг – не заметил ли кто ее присутствия. Ей показалось, что никто ничего не заметил и она успокоилась. А в зале уже давно вовсю шла игра.

– Идёт, идёт игра... – бормотала Серафина. – Веришь ли, барон уже сотню выиграл! – она ухватила Агнию за руку. – И мне уж отвалил дай Боже от щедрот своих...

– Сотню? Рублей? – переспросила Агния, подумав, что это сущий мизер и не понятно, как от этого мизера можно щедро одарить Серафину.

Серафина, обернувшись к девушке, расхохоталась:

– Рублей? Да куда там! – она замахала руками. – Рублей! – в голосе ее звучала явная насмешка. – Тысяч сотню, не желаешь ли?

– Раз втемную! – крикнул кто-то за столом, прервав их разговор.

В ответ воцарилась тишина, а после, минут через несколько, сделался сильный шум, голоса перебивали друг друга. Ни одного слова из этого многоголосия разобрать было невозможно.

– Там что, в преферанс что ли играют? – спросила вдруг Агния.

– Ну да, – ответила Серафина. – И барон опять в выигрыше, – она довольно потерла руки.

– А который из них барон?

– Да вон тот, чернявый, – женщина указала на мужчину лет тридцати пяти.

– Как его зовут?

– Барон Вольф фон Литке.

– Природный немец? – Агния вгляделась в лицо, в котором, как ей представилось, не было ровно ничего немецкого.

– Да какое там... – возбужденно прошептала Серафина. – Только имя... Хотя кто знает? Может и немец, только на немца вовсе не похож – ни лицом, ни характером, – подтвердила она предположения Агнии. – Однако по-немецки говорит заправски! Это всех сбивает с толку!

В этот момент барон поднял лицо от карт и насмешливо сверкнул глазами на своего визави. Агния подумала, что красавцем его никак нельзя назвать, однако был он столь обаятелен, что даже она, которая открыто последние месяца три регулярно заявляла Серафине, что равно презирует всех мужчин, не могла устоять и не признать за ним особого преимущества.

– Щедрый... Не мелочный... Денег не считает... Веселый... Во хмелю буен, но рук с дамами не распускает, – шептала тем временем Серафина, перемежая свои слова крупными паузами. – И я думаю, что он шулер.

– Что? – изумилась девушка.

– А что? Ты что ж думаешь, все тут честно играют?

– А разве нет?

– Ну, может кто и честно, – протянула Серафима. – Утверждать наверное не стану, однако... – она замолчала. – Да что тут у меня обманывают не штука, а вот что в благородных гостиных благородные господа шулерничают, так вот то диво! – отчего-то обиженно прибавила она.

Игра пошла дальше. Надо сказать, что Агния разбиралась в картах и весьма хорошо умела играть в эту игру – в преферанс, которым не брезговал ее папенька, и которого не терпела маменька. А посему довольно часто долгими зимними вечерами папенька, они с сестрицей и Савельич, старый дядька Егор Петровича Каверина, сживали за преферансом. И ежели поначалу преимущество было за игроками более старшими, то после верх стала брать Агния, да так ловко, что Егор Петрович только диву давался. Агния насторожила уши и услышала знакомые восклицания:

– Шестерная в бубнах!

– Большой мизер!

И все такое прочее в том же духе. Агния, неволею привлеченная завораживающим зрелищем игры, будто в забытьи вышла из-за портьеры и стала наблюдать, как и прочие девицы, бывшие в зале. Наконец, когда все кинули карты, один из игроков, схватившись за голову, закричал:

– Опять! Опять сел! О-о... «Без» на семи!

– Извольте заплатить, – с усмешкой кивнул ему другой.

Агния перевела дух.

– Что же, господа, кто еще желает сделать ставку? – бар-

хатным голосом спросил барон, взяв в руки новую колоду, и обвел присутствующих взглядом.

Глаза его скользнули и по Агнии, но не остановившись проследовали далее.

После того, как господа проиграли каждый кряду по несколько тысяч, никто не желал рисковать. Но, однако и прекращать игру не хотелось. Игра сродни болезни: пока последнего не спустишь – не уйдешь. Сдержанный ропот был ему ответом, и этот ропот нельзя было принять ни за согласие, ни за отказ.

– Что же? – продолжал меж тем барон, кинув колоду на стол. – Или имеете опасения? Тогда, быть может, дама пожелает сыграть? – при этих словах он медленно обернулся к Агнии, которую он уж давно заприметил стоящей в дверях и наблюдающей за игрой, как примечал всё новое и настораживающее.

Агния вздрогнула и не нашлась что сказать.

– Так что? – барон с изысканной вежливостью поклонился ей со своего места. – Есть ли у вас что поставить?

Его красивые темные глаза вдругорядь блеснули усмешкой и только тут девушка осознала, какой магической силой может обладать взгляд по-настоящему обаятельного мужчины. Одним взглядом он будто бы подвёл её к столу. Спротивляться, кажется, было не только бессмысленно, но и просто глупо и некрасиво.

– Не желаете ли поставить себя? – криво ухмыльнулся

один из игроков, который только что жался у стола, не решаясь сделать ставку.

– Что-то я никогда не видел эту девицу у мадам, – услышала Агния шепот за своей спиной. – Да и одета она...

– Кажется, речь шла об игре, – барон обернулся и кинул взгляд на шептунов.

Те замолчали. Барон посмотрел на Агнию и улыбнулся.

– Так что за ставка? – выкрикнул тот, что продулся только что и все кричал «„без“ на семи». – Дамочка желает на себя сыграть? Но тут вроде игра серьезная...

– Нет, себя я поставить не желаю, – Агния неожиданно обрела голос и он прозвучал довольно решительно. – Но ставку сделаю хорошую, – она лишь заметила одобрителный взгляд барона, верно угадавшего ее настроение.

Она подошла к столу и села на любезно отодвинутый для нее тут же бароном стул. Гордо подняв голову, она твердо и с усмешкой оглядела игроков и, слегка наклонив голову, сняла с шеи медальон. Это была единственная ее дорогая вещь – золотой медальон, украшенный несколькими крупными рубинами, подарок бабушки. Единственная ценная вещь, что захватила она с собой из дому. Горделиво, с истине королевской грацией и уверенностью, свойственной лишь очень избранным, Агния, словно явилась au jeu de la Reine³ в Версаль, кинула медальон на стол и спросила:

– Что же, кто ответит?

³ На карточную игру у королевы (фр.)

Игроки замерли. Барон одобрительно посмотрел на нее, Серафина, стоявшая за портьерой, ахнула и прикрыла рот ладонью, а девицы вытянули шеи и уставились на стол и на Агнию.

– Что же? – спросила она, тонко улыбнувшись.

– Я отвечу, – сказал барон. – Ваша вещь старинная и дорогая, – объявил он с видом знатока, затем подошел к своему месту, сел за стол и достал пачку купюр.

– Здесь двадцать тысяч. Вы согласны так оценить свой медальон?

– Да, – милостиво кивнула головой Агния.

– А вы, господа? – барон оборотился к остальным игрокам.

– Что же... – протянул один из игроков, – можно и ответить.

– Да, – согласился еще один.

– Тогда... играем, не так ли? – барон посмотрел на Агнию.

– Играем... Десятерная.

– Мизер.

– Шестерная.

– Семерная без козырей.

Игра пошла.

...Перед Агнией лежали россыпью деньги, а сверху того – медальон... Она выиграла. Выиграла! Ее медальон, которым она так безрассудно, так безумно рискнула! И несколько де-

сятков тысяч сверху!... Агния подняла голову и посмотрела на барона, ожидая увидеть гнев и растерянность и, быть может, устыдиться собственной смелости. Но барон – странное дело – вновь одобрительно улыбался, в отличие от остальных игроков, которые с кислыми бежали из-за стола и переключились на девиц. Да, он улыбался, будто для него проиграть свои двадцать тысяч ничего не стоило! А, впрочем, Серафима говорила, что он же богач, этот будто бы остзейский барон.

– Это была мастерская игра, – произнес он, – и я надеюсь, что мы будем неоднократно иметь радость видеть вас за зеленым сукном.

– Вот еще не хватало! – воскликнул только что проигравший ей господин, ненароком услышав это обращение барона.

– Хабрович, вы на редкость не любезны! – обернулся к нему барон. – Разве можно говорить так о даме?

– О такой даме, которая выигрывает у тебя в один присест двадцать тысяч, можно, – решительно заявил Хабрович и отошел от стола, не желая далее связываться с бароном.

– А признайтесь, Литке, вы нарочно усадили ее за стол, – вдруг начал другой проигравший. – Она ваша сообщница!

– Стыдитесь, Иволгин, – лицо барона вмиг сделалось жестким и опасным.

– А чего ради вы выхватили ее изо всех этих девиц? Кто она? – Иволгин завелся и, повернувшись к Агнии, уставился

на нее в упор. – Кто вы? Как вас звать? Я вас среди девиц мадам раньше никогда не видел.

– Я не девица мадам, – Агния спокойно подала плечами.

– А! Вот! Она призналась! – Иволгин вскочил.

– Я ее швея, – спокойно продолжила девушка. – Вы не давали мне спать своим шумом...

– За то и поплатились, – закончил за нее барон. – И успокоимся на этом. Я, Иволгин, также не знаю эту даму, и я также проиграл ей. Но это не повод для оскорблений, согласитесь.

Иволгин засопел, но продолжить не решился и тоже отошел от стола.

Агния поднялась со своего места и, бурно вздохнув, встретилась с бароном глазами. Но это был только один миг. В следующий она уже взяла со стола деньги и украшение, и спокойно вышла прочь.

За портьерой она тут же попала в объятия Серафины и охавших девиц. Серафина, пища от счастья, потащила Агнию вглубь, в комнаты и не успокоилась до тех пор, пока не оказалась с нею наедине.

– Не может быть! Не может быть! Как ты играла! А медальон? Покажи мне медальон!

Агния, которая чувствовала себя так, будто бы это не с ней, а с кем-то другим все происходит, тут же протянула медальон Серафине и та с упоением принялась его рассматривать.

– Такая игра! Такая игра! А деньги... – с упоением бормотала рыжая ее приятельница, зарываясь руками в купюры. – Ну-у... – тут она подняла глаза на девушку, – теперь ты не можешь быть просто швеей, никак не можешь, – Серафина с гордостью посмотрела на Агнию. – На эти деньги...

– На эти деньги можно долго и безбедно жить, – перебила ее Агния. – Можно уйти отсюда...

– Ну, может, не так уж и безбедно, – заметила Серафина. – Их не так много и рано или поздно они окончатся, если жить на хорошую ногу... И ты, конечно, можешь отсюда уйти, – она вдруг так явно опечалилась, что Агния тут же обняла подругу.

– Да куда же я уйду, это я так просто... Я тебя не брошу...

– Вот вздор! Тебе надо уйти отсюда! Что здесь за место для приличной женщины? – неожиданно бурно ответила та.

– Я? Приличная? – горько усмехнулась Агния. – Ты ошибаешься...

– Вы позволите? – прервал их диалог мужской голос.

Подруги вздрогнули и разом обернулись к двери. В дверях стоял барон.

– Вы? – изумилась Серафина. – О-о... Литке... милый мой! – пылко прибавила она, протянув к нему руки. – Как же я вам благодарна за всё... это... – она повела левой рукой над деньгами, так как правую уже пожимал барон. – Это было ве-ли-ко-леп-но!

– Милые дамы, – довольно улыбаясь, ответил он. – Я взял

на себя смелость прийти сюда только для того, чтобы быть представленным вашей очаровательной приятельнице, дорогая Серафима. Я уверен, такая девушка не может быть «просто швей».

– Конечно, не может... Вы проницательны, впрочем, как и всегда, мой милый Литке... Итак, Агния, позволь рекомендовать тебе барона Вольфа фон Литке, моего любезного завсегдатая и приятеля... А это, барон, Агния Егоровна Каверина, моя подруга.

– Милая моя Серафима, – барон сосредоточил взгляд своих выразительных дам на лице рыжеволосой довольной красавицы. – Вы позволите мне воспользоваться правом вашего приятеля и остаться переговорить с глазу на глаз с Агнией Егоровной? Не нарушит ли это ваших с ней планов?

– О, отнюдь, – Серафима лукаво погрозила пальчиком барону. – Вы хитрец и озорник, но я вас обожаю и посему – позволяю вырвать из моих объятия мою ближайшую и дорогую... очень дорогую мне... подругу, – со значением закончила она.

– Я понял вас, мой ангел. И будьте уверены, я оправдаю ваше доверие, – ответил он.

Улыбнувшись, Серафима исчезла из комнаты. И сделала это так ловко, что Агния даже не успела ее остановить. Едва они остались с бароном наедине, как тот довольно серьезно посмотрел на Агнию.

– Я вас раньше никогда не видел здесь... – задумчиво про-

изнес он.

– Я здесь не так давно, – ответила она почти спокойно. – Всего лишь несколько месяцев.

– Полагаю, сударыня, вас привели в это место печальные обстоятельства? – спросил он, демонстрируя прекрасное знание жизни.

– Да, сударь, именно так. Но я повторяю, что работаю тут всего-навсего швеей и пользуюсь добротой моей подруги. Я обязана ей жизнью, ни больше, ни меньше. А вы, барон...

– Нет, для вас просто Вольф, – перебил он её. – Надеюсь, и вы позволите звать вас по имени? Столь блистательные игроки, как мы с вами, должны дружить. Признаюсь, вы даже меня застали врасплох. Но я, едва взглянув на вас, понял, что вам нынче выиграть было необходимо. А посему, как более сильный, уступил.

– Более сильный? – в голосе Агнии прозвучало такое сомнение, что барон невольно рассмеялся.

– Дорогая моя мадемуазель... Вы опрометчивы! Соперников надо знать очень хорошо. Вам повезло, что я не так безжалостен, как прочие, и так падок на женские чары. Признаюсь, вы были неподражаемы. Я очарован вами. И потому уступил.

Неожиданно он вольготно уселся в кресло и продолжал тихо посмеиваться, глядя на её настороженное и недоверчивое лицо.

– А вы не хотите ли присесть? – спросил он.

– Нет.

– Ну, как угодно... Итак, обо мне. Милая Агния, я – шулер. Играть со мною опасно, наверняка продуешься. Вам разве Серафима не объявила этого с самого начала? Ведь вы же долго с нею шептались перед тем, как войти к игрокам.

– Сказала.

– О-о... И вы рискнули? – глаза его заинтересованно блеснули, как и давеча у стола.

Казалось, барон задался целью поразить ее своим обаянием. Агния подняла на него глаза, и вдруг ответно улыбнулась со всем обаянием, доступным ей. Его взгляд сделался одобрительным, как будто поведение Агнии было ожидаемым и это его весьма порадовало. А она ответила, неожиданно кокетливо махнув ресницами и опуская глаза:

– Я знала, что вы мне проиграете. Вы бы не смогли обидеть слабую женщину.

Барон расхохотался.

– Bravo! Я не ошибся! Ну, сядьте же рядом со мной!

На этот раз Агния с тихой улыбкой опустилась в кресло рядом с ним.

– Милый мой дружок... Ведь вы позволите мне вас так называть? – барон взял ее руку в свои и поднес к губам. – После вы мне непременно расскажете, что вас сюда привело, а пока... Полагаю, пока вам стоит немного отдохнуть и поразмыслить над нашим с вами будущим союзом.

– Каким еще союзом? – вздрогнула от неожиданности Аг-

ния.

Барон рассмеялся:

– Деловым, деловым союзом... Вы будете иметь успех в свете и немалый, а мне как раз не хватает именно такой женщины, как вы...

– Боюсь, что я ничего не понимаю, – покачала головой Агния и подняла на него глаза.

Её пронзило какое-то необыкновенное ощущение... Это было как предвкушение чуда, как в детстве, на Рождество, когда ты знаешь, что за дверью стоит ёлка и приготовлены подарки, и только надобно немножко подождать, чтобы дверь открылась и довольные и радостные родители вручили их тебе.

– Пока и не надо ничего понимать. Мы обо всём завтра переговорим. А теперь позвольте пожелать вам покойной ночи, милый мой дружок...

С этими словами барон склонился к Агнии и нежно поцеловал её в лоб. Рассмеявшись над опешившим видом своей собеседницы, он легко поднялся с кресла и, поклонившись, вышел, более ничего не говоря.

– О, Господи... – прошептала Агния, стискивая руки на груди. – Что-то со мною будет... Только чтобы доброе...

Глава 6

Бывший офицер, а нынче великосветский бонвиван и профессиональный шулер барон Вольф фон Литке был фигура преинтереснейшая во всех отношениях. Начать с того, что наш барон вовсе не был немцем. Он, как и предполагала Серафина, был природным русским дворянином, волею судеб и карточных долгов ввергнутым в пучины притонов и вынырнувшим оттуда уже в новом обличии и с новым именем. Прошлое его было столь темно, что он и сам предпочитал о нем не вспоминать. Но мы немного приоткроем завесу тайны упомянув, что некогда именно карточный проигрыш двинул его на путь обмана. Вскоре, дабы не раскрывать своих дел, еще молодой совсем тогда человек вышел в отставку из полка. А поскольку состояния у него никакого не было, то единственное, что ему оставалось, это либо самая захудалая статская службишка, к которой его душа вовсе не лежала, либо неверный и опасный путь авантюриста, который он и избрал, чувствуя в себе непреодолимую тягу к приключениям. По совести сказать, именно эта тяга сподвигла его когда-то на военную стезю. Военная стезя впоследствии разочаровала. А вот авантюра – нет.

Итак, однажды, в день и час которого мы не знаем, при самых туманных обстоятельствах, пропал русский дворянин, поручик N-ского уланского полка Владимир Афона-

сьев. Пропал для того, чтобы через год явиться обществу богатым и привлекательным остзейским бароном фон Литке, прожигателем жизни, владельцем родового замка и, как говорили, обладателем миллиона. Замок действительно был родовой и в этом могли убедиться абсолютно все, кого новоиспеченный барон приглашал на свои званые обеды и балы. Только то был родовой замок его супруги, которой он также уже успел обзавестись. Титул же был им куплен до женитьбы, а имя – сменено с Владимира на Вольфа. Да и внешне бывший дворянин Афанасьев переменялся так, что никто бы из старых знакомых по полку, пожалуй, его бы и не узнал.

Помимо приданого жены – Мари-Элизабет фон Хаммельхофф, вдовы барона фон Хаммельхоффа, лютеранки, урожденной графини Пфальц, влюбленной в него, как кошка, новоиспеченный барон сумел привлечь в свои руки деньги различного рода игроков, к несчастью для себя садившихся с ним за игральный стол. Как уж он стал так ловок в шулерстве, что никто его и заподозрить в том не мог, неизвестно. Видно, с таким талантом он родился. Не всем же дан талант к малеванию или бумагомаранию, так не каждый имеет и такой шулерской талант. Может, один на сотню и найдется. И денег своим талантом наш барон промышлял немало. И сотня тысяч за вечер была делом почти обычным для него.

«И в карты не садись: продаст...»⁴ – писал поэт о некоем герое карточных столов былых времен. О бароне можно бы-

⁴ А. С. Грибоедов «Горе от ума»

ло смело сказать то же самое.

Что касается его супруги, то женщина эта была не умна, но и не глупа. Она была богата и вдова, хороша собой, но в меру. И мужа любила и в дни жениховства, и по прошествии нескольких лет после свадьбы. Любила б его и теперь, когда б не умерла, умерла смертью чинной, спокойной, к которой причастен никто не был. Барон наш честно был ей мужем все те пять лет, что привело им с супругою быть вместе. Затем он сделался наследником жены и окончательно перебрался в Петербург, где вот уже три года кряду вел жизнь почти почтенную, среди балов, пиров и игр. Словом, он ничем не отличался от своих светских собратьев. Если не считать того, что ловко у них выигрывал в карты и столь же ловко, как некогда будущую свою супругу, очаровывал их жен, лишая семьи последних остатков фамильной чести, а также порою и фамильных ценностей. Два-три слова даме, бурливый поток неподдельной любви и искреннего обаяния, направленный прямо в цель – и жертва уж была без ума от настойчивого и опасного красавца. Ну а попасть к ней в дом, взять ценное кольцо или брошь, и остаться при этом вне подозрений и обид – было делом многолетней техники и поистине недюжинного обаяния.

Словом, такой вот человек был барон фон Литке. Агния всего этого не знала и знать не могла, поэтому не имела ни предубеждения против него, ни особенного расположения к этому человеку. Впрочем, если уж быть совершенно чест-

ной, то Агния все же была скорее благодарна ему, позволившему (если это было действительно так) выиграть ей эту-кую кучу деньжищ. Игроком Агния и сама была неплохим, но вряд ли бы ей удалось обыграть барона. Это она уж потом поняла, когда той своей бессонной ночью после игры оценила все его ходы. Память у нее была превосходная, она помнила почти все, что произошло за игорным столом. А посему... А посему всё-таки расположилась к барону фон Литке. И поэтому ничуть не разозлилась, когда на другой день встретила его в той самой комнате, где они обычно с Серафиной принимали заказчиц на шитье туалетов.

Барон премило смотрелся среди шелков и бархата. Он лёгким шагом зашёл с улицы, помахивая своей тросточкой, с улыбкой поприветствовал хозяек, перецеловал им ручки, усмехнулся горничным, одной что-то шепнул на ушко, а другую потрепал по щёчке, чем вызвал их неуёмное весёлое смущение, а затем, не дожидаясь приглашения, сел в мягкое кресло с подлокотниками и принялся поигрывать тонким кружевом, свешивавшимся со столика, стоявшего рядом. Когда он поднял свои глаза, которым придал выражение полнейшей невинности, вверх и посмотрел на Агнию та, хотя и намеревалась быть твердой, неожиданно даже для самой себя рассмеялась.

– Дорогая мадемуазель Агния, сядьте же рядом со мной! Я вижу, что пока заказчиц нет, а значит, вы можете уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени. Уверен,

мадам Серафина нас не осудит, – с этими словами он улыбнулся Серафине и послал ей воздушный поцелуй.

– Мой самый милый и самый дорогой во всех смыслах гость, – заворковала Серафина ему в ответ. – Вы можете располагаться в этом доме так, как вам угодно. Я распоряжусь насчёт напитков для вас, так что вашему разговору с моим сердечным дружкой Агнией ничуть не помешаю!

С этими словами Серафина вышла из комнаты, а Вольф поднялся из кресла, взял у Агнии из рук тот ворох тканей, с которым она вошла в комнату, да так с той поры и стояла, и кинул их на кресло, на котором только что сидел. А затем, взяв ее крепко под руку, подвел к окну.

– Дайте же я вас рассмотрю хорошенько, – пробормотал он.

– Никак не ожидала вас нынче увидеть, сударь, – Агния вынула руку из руки барона и отошла в сторону.

Ей вовсе не хотелось, чтобы он пристально рассматривал ее лицо при дневном свете.

– А у меня до вас дело, мой милый дружочек, – улыбнувшись, ответил Вольф.

– Дело? – Агния невольно была заинтригована.

– Да. Дело. Только умоляю вас понять меня правильно, – он комично сложил руки перед собою в жесте страстной мольбы.

– Такое начало настораживает, – ответила она чуть кокетливо, слегка ему улыбнувшись.

– Ну, что же. Настораживает – это даже неплохо. Это позволит вам оценить мое предложение в его истинном свете.

Нет, все-таки, что в нем была за сила? Предложи он ей сейчас что угодно, и она, пожалуй, согласится. Агния вздрогнула от собственных мыслей. Она полагала, что это движение не укрылось и от барона, и она не ошибалась в этом.

– Увидев вас здесь, – продолжил он, – я сразу понял, что тут не ваше место. Откровенно говоря, это понял бы любой. Вы еще не успели пропитаться здешними, скажем так, ароматами и обычаями.

– Вот как?

– Да. Или вы хотите сказать, что я ошибаюсь, и здешние обыкновения вам вполне по душе?

– Н-нет... – слегка запнувшись, ответила Агния, – вовсе не по душе... – при этих словах она помрачнела.

– Я рад это слышать. Я в вас не ошибся.

– Но разве это что-то меняет? – резко спросила она.

– Что именно?

– То, что мне это не по душе? Что мне это противно? Разве я уже не погибла в глазах всего света? – это были горькие, выстраданные слова. Они стёрли улыбку с лица Вольфа, и он серьёзно и испытующе смотрел на неё.

– Меняет. И многое. Вы принадлежите к тем людям, которые вполне способны повернуть свою судьбу туда, куда это нужно им, а не идти на поводу у света, обид, обстоятельств, предрассудков. Да чего угодно!

– Хорошо... – она решительно вскинула голову. – Скажем, я верю вам. Но всё-таки, что я могу сделать? И что вы хотите мне предложить? Ведь вы же хотите мне что-то предложить? Я вас верно услышала?

Помедлив, Вольф взял ее за руку, поднес ее к своим губам и поцеловал чуть дрожащие пальцы.

– Всё верно, мой милый дружочек... И всё очень просто. Я хочу предложить вам выбраться отсюда, сделаться баронессой, или иной титулованной особой по вашему выбору, и стать, некоторым образом, моей ассистенткой.

– Вы бредите? – изумлённо спросила Агния.

– Отнюдь. Всё это вполне исполнимо и у меня есть для этого средства.

– Я ничего не понимаю... – растерянно пробормотала она.

– Мне нужен человек, которого я смогу доверять... Человек, который войдет со мною в высший свет и станет там своим, – говорил он тихо, склоняясь к ней. – Вы как никто подходите для этой роли. Вы – дворянка и хорошего воспитания. Но вы отторгнуты своим кругом. Я переменю вас: ваше имя, ваши манеры, ваше лицо... Я переменю вас... Вашу душу, мой миленький дружочек, – шепнул Вольф в конце и от его дыхания на виске Агнии шевельнулись волосы, а сама она задрожала.

– Так не бывает... – прошептала она в ответ.

– Бывает. И я это вам докажу.

Агния отступила от него, вырвала свою руку из его руки

и неожиданно спросила:

– А вы уверены, что сможете мне доверять? – в голове ее забрезжила некая мысль, от которой сильно забилося сердце и к щекам прихлынула кровь.

Агния почувствовала, что вот наступает момент, когда жизнь ее сможет сделать крутой поворот. Один раз судьба уж кинула ее в неведомое. Вот и теперь происходит что-то, что может круто все переменить. Девушка, почувствовав необыкновенный прилив энергии, подошла к креслу и плотно в него уселась. Вольф улыбнулся, почувствовав ее настроение.

– Уверен. Я намереваюсь дать вам все, и даже сверх того. А вы не настолько неблагодарны, чтобы после этого презреть руку дающую. К тому же, предав меня вы и лишитесь всего. Конечно, рано или поздно наступит такой момент, когда вы сделаетесь самостоятельны или найдете себе иного покровителя. Но это произойдет не скоро, да и к тому моменту всё может решительно перемениться.

– Мне нужны подробности, – потребовала она.

Барон внимательно посмотрел на Агнию:

– Подробности... Что же... Род моих занятий не совсем законен, но вы это уже поняли. Однако я вхож в высший свет. Играю не только в сомнительных заведениях, вроде здешнего, но и в богатых домах. Ставки большие, игроки серьезные... Я – мастер игры, но помощь никогда не помешает. Особенно когда речь идет о слишком больших суммах

и о репутации, которую никоим образом нельзя испортить, ибо именно она – мой хлеб.

– Но чем же я тут могу помочь? – Агния действительно недоумевала, но все это ей скорее нравилось, чем нет, и бу-
дило сильные, ранее незнакомые чувства. Даже холодок бе-
жал по спине от приятного ожидания и нетерпения.

– Вы будете светской дамой, только и всего. Вы ведь дво-
рянка? Я не ошибся?

– Да.

– Вот видите, мой дружочек... – барон нежно улыбнул-
ся. – Всё-таки происхождение и воспитание скрыть невоз-
можно...

– Но разве так просто ввести человека в общество? Тем
более... тем более – отсюда? – она повела рукой вокруг себя,
указывая на эту комнату модистки, на дом Серафины и всё,
что подразумевалось под этим.

– Нет, не просто. Но при желании и определенном умении
вполне возможно.

Агния вскочила и прошлась по комнате. Как ей нравилась
эта идея! Но осуществима ли она?...

– А ведь вам нравится мое предложение, – Вольф при-
стально смотрел, как она расхаживает туда-сюда по комнате
и стискивает за спиной руки. Эта привычка его даже немно-
го позабавила.

– Да, нравится. Очень нравится! Но все же... – Агния рез-
ко остановилась обернулась к нему. – Все же ведь мне при-

дется еще и что-то... делать?

– Да, – подтвердил он лёгким покачивание головы. – Но это дело будет необременительно для вас и неопасно. Немного наблюдательности, немного ловкости, немного решительности... Как вчера за столом. И у вас всё получился.

– А если все выплывет наружу? – Агния подалась к нему в страхе. – Если... если...

Барон усмехнулся:

– Если нас поймают, хотите вы спросить? Рано или поздно это вполне может произойти. Но у нас есть неоспоримое преимущество. Мы – светские люди, титулованные особы, богачи. Привлечь нас к ответу будет очень сложно. В крайнем случае это будет дуэль. Ведь за обвинение в шулерстве, – Вольф еще раз усмехнулся, – можно вызвать и к барьеру. А уж тут лотерея: кому повезет, тот и останется жив. А вам так и вовсе ничего не грозит.

– Постойте, но ведь я никакая не титулованная особа, – Агния остановилась. – Я буду самозванкой! И уж за это ответ держать придётся!

– Пока не титулованная, – барон сделал ударение на слово «пока».

– То есть?

– Вы выйдете замуж, я полагаю, – лениво заметил он. – Чтобы не быть самозванкой.

– Что? Замуж? Это... это за кого? – она покраснела, подумав, что он предложит ей стать его женой.

– За кого? Ну, я найду вам достойного супруга. Правда, этот человек будет скорее всего нищ, стар и ни на что не годен. Но вам это и на руку. Зачем вам дееспособный муж? Такой может все карты вам спутать, – развёл руками Вольф. – Вы выйдете замуж не здесь, а, скажем, в Польше. Как моя сестра, опекуном которой я являюсь, вы отправитесь со мной в наши западные губернии, а там я подыщу вам хорошую партию, будьте уверены.

– Но кто?... Но как?... – сказать, что Агния была в недоумении, значило ничего не сказать. – Кто ж согласится на такое? Кто... – тут она запнулась.

– Вы хотите спросить кто на вас женится? О, найдется, полагаю, немало желающих.

– Да как такое... – начала было она.

– Так, мне от вас нужно только одно. Согласие. Вы согласны?

Между ними вдруг воцарилась абсолютная тишина, прерываемая только возбужденным дыханием Агнии.

– Вы согласны, Агния Егоровна? Вы – согласны, мой миленький дружок? – Вольф склонился перед нею, взял её за руку и, сжав ладонь девушки, последние слова прошептал ей на ухо. – Соглашайтесь же... Ну соглашайтесь...

Агния затрепетала от его слов, от его близости и, внезапно вскочив с кресла, крикнула:

– Да! Да, да, да!

Вольф расхохотался:

– А я уже люблю вас! Люблю, моя милая сестрёнка!

– Но вы объясните мне всё же... как это будет... замужество... – неожиданно жалобно попросила Агния.

Вольф прищурился, с состраданием посмотрел на ней и ответил:

– Чтобы снять все ваши опасения, скажу сразу, это будет фиктивный брак. Мы заплатим деньги, или найдем какого-нибудь дряхлого старика. В конце концов, есть ведь еще и развод, а уж я об этом позабочусь. Мне нужна вдова, или просто свободная женщина. Вдова предпочтительнее, разведенных женщин не ценят в обществе.

– Ну так вот я и говорю...

– Значит, будете вдовой, – отрезал Вольф.

– Вы что же, убьете моего... моего будущего мужа? – прошептала Агния в испуге.

Вольф потрепал её за подбородок:

– Нет, я не убийца. Но сказать ведь можно все, что угодно. Не так ли? И у меня уже есть кое-кто на примете. Сделаем из вас вдову польского графа за некоторую не очень обременительную сумму, купим вам наряды, заведем горничную... – барон обошел вокруг нее. – Вы прелестно выглядите, скажу я вам.

– Будто вы этого раньше не заметили... – пробормотала Агния немного обиженно.

– Заметил. Но вы станете выглядеть еще прелестней, когда я вас одену в творения парижских мастеров и украшу

фамильными драгоценностями. Любая женщина, если в нее вложить деньги, станет выглядеть недурно, а уж вы... Впрочем, вы ведь и сами знаете, что красивы.

Агния невольно обернулась к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Отражение ей понравилось. Она никогда не считала себя выдающейся красавицей, но все же не могла не признать, что хороша собой.

– Много денег, немного фантазии, – пробормотал барон. – Услуги куафера... Хорошие украшения, месяца два в светских гостиных Варшавы, а это я устрою... И еще, как нынче говорят, немного рекламы... И после в Петербурге вам не будет равных. Поверьте мне, дружок... – его рука мягко легла на ее плечо.

Агния, как замороженная, не отрывала глаз от своего отражения. Что за заманчивая картина... Неужели такое может быть? Опасности и сложности для нее в этот миг не существовали, было лишь одно – новая, веселая, яркая жизнь без унижительного клейма отверженной. И не в этом доме, а в светском обществе, для которого она могла бы родиться, став женой Алексея, как ей когда-то мечталось.

– Ну так что? Представили? – прошептал барон, уподобляясь змею-искусителю в раю.

– А еще говорят, – вдруг пробормотала Агния, – что Ева соблазнила Адама. Даже если это так и было, то мы за это давно расплатились.

Вольф громко расхохотался.

– Господи, я в вас не ошибся! Да **как** не ошибся! Ай да я... Ну? Где же ваше последнее решительное «да»? Я хочу его услышать!

Агния обернулась к нему и, слегка улыбнувшись, сказала:
– Да.

Глава 7

– Госпожа графиня Елович-Малинская и господин барон фон Литке! – выкрикнул распорядитель.

Агния, легко вздохнув, отвернулась от огромного зеркала, перед которым только что прихорашивалась, поправляя нитку жемчуга обвивавшую ее шею, оперлась на руку спутника и спокойно вошла в залу. Как же приятно было сознавать, что все не сводят с тебя глаз. И смотрят не осуждающе, а восхищенно. А еще более приятное чувство отчего-то вызывала та зависть, с которой все присутствовавшие в зале дамы смотрели на ее спутника. Конечно, все думали, что они с бароном родные брат и сестра. Но... Но все же зависть была. Владеть таким мужчиной, даже в качестве брата, и брата внимательного, было большой честью в глазах здешних особ.

Вольф, как и обычно, улыбался своей потрясающей улыбкой, сводя с ума и так готовых поддаться на его обаяние дам. А Агния, которой была уготована роль скромной, элегантной и респектабельной вдовы, сдержанно кивала головой знакомым и холодно рассматривала прочую публику.

Оба были одеты по самой последней моде и от них так и веяло деньгами. Но не просто деньгами. Если бы их принимали за нуворишей, то вряд ли бы они сегодня попали на раут княгини Мятлевой. Нет, их принимали за аристократов из старого остзейского рода. И посему к ним все были ис-

ключительно расположены.

– Мадам! Дорогая госпожа Елович! Милый мой Вольф! – князь Мятлев поклонился Агнии и довольно по-свойски похлопал барона по плечу. – Надеюсь, сегодня вы составите с нами партию?

– Всенепременно, – Вольф склонился к князю и заговорщицки ему подмигнул. – И, кстати, рекомендую вам мою сестру как хорошую визави за карточным столом.

– Мадам? Неужели вы предпочтете карты танцам?

– Определённо, – лукаво улыбнувшись, со спокойным достоинством ответила Агния.

– И лишите всех возможности наслаждаться своей красотой? – князь понизил голос, взяв руку Агнии в свою и склонившись к ней в поцелуе.

– Полноте, сударь, – Агния мягко улыбнулась. – Вы мне льстите. Кого может интересовать общество немолодой вдовы?

От этих слов Мятлев встрепенулся и бурно ответил:

– Да что вы такое говорите! Графиня! Вольф, да скажите же вы вашей сестре, что она не имеет права говорить о себе такие ужасные вещи! «Немолодая вдова»! Подумать только. Да вам же не более двадцати лет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.